

Евгений Спасский. «Встреча. Путь в Дамаск (Руслан перед головой)». 1948.
Бумага, смешанная техника. 49×39.
Фонд наследия Евгения Спасского

Спасский помнил наизусть многие строки А.С. Пушкина и видел в нем пророка, устами коего глаголет Господь. Вот почему фрагмент поэмы «Руслан и Людмила», где рассказывается о даровании меча герою, был опознан художником как метаморфоза *обращения* Савла в Павла на пути в Дамаск из Нового Завета.

Вновь *обратиться* витязь хочет —
Вновь отражен, надежды нет!
А голова ему вослед,
Как сумасшедшая, хохочет,
Гремит: «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даром;
Не трись, наездник, и меня
Порадуй хоть одним ударом,
Пока не заморил коня».

(А.С. Пушкин, «Руслан и Людмила», песнь 3)

Сравни:

Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос,

говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна.

(Деян 9:3-5)

«Вновь обратиться витязь хочет...» Обратиться – обращение. Как отправная точка предшествующей иконографии сюжета Спасским взят ракурс коня Савла с поздней фрески Микеланджело из Капеллы Паолина. Только Савл ещё не сброшен с коня. Подобно боровшемуся с Богом Иакову, он героически сопротивляется самому. Лик, в который складываются вихри, вторит композиции небесного знамения у Микеланджело. Ну, а меч? Он стал атрибутом именно Павла, первого апостола, призванного Утешителем-Параклетом.

Р.В. Багдасаров, историк